

ЯЗЫК ВЛАСТИ И ВЛАСТЬ ЯЗЫКА: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Татьяна Андрюхина*

Статья посвящена анализу воздействующего потенциала американского политического дискурса. Выделяется ряд системообразующих факторов политического дискурса, способных служить источником манипулятивного воздействия на аудиторию. В статье рассматриваются некоторые когнитивно-дискурсивные приемы речевой манипуляции, среди которых – специфическое использование аксиологической концептуальной оппозиции «СВОЙ – ЧУЖОЙ», концептуальных фреймов, распространенных концептов и концептуальных метафор, репрезентирующих концептосферу политики.

Политическая коммуникация на стыке веков получила в науке пристальное и глубокое освещение. Специфический процесс языковой деятельности в сфере идеологии получил название политического дискурса. Всплеск интереса к этой сфере исследований часто сопряжен с важными политическими событиями. Примером может служить работа франко-швейцарского ученого Патрика Серио, выполненная на сенсационном для своего времени материале советского политического дискурса. Анализируя языковую реальность политической коммуникации, то есть через призму языка власти, автор попытался осмыслить ее идеологию и вскрыть властные языковые инструменты¹. Именно анализ дискурса и его поверхностных языковых структур позволяет получить доступ к пониманию лингвистических механизмов политического воздействия. Рассмотрению ряда приемов речевой манипуляции в англоязычном политическом дискурсе США и посвящено настоящее исследование.

Любое общество и политический режим имеют свою систему политического устройства, общественных и государственных институтов, традиции ведения политической борьбы, отраженные в политическом дискурсе. Специфика политики как сферы человеческой деятельности состоит в ее преимущественно дискурсивном характере. Действительно, многие политические дей-

ствия по своей природе являются речевыми действиями², например, клятва, обещание, критика, разоблачение, призыв и т.п. Часто политическая борьба связана не просто с использованием слов, а противостоянием, борьбой за или против использования в политическом дискурсе конкретной лексики. Анализ политического дискурса показывает, что политика осуществляется в политических дискуссиях и сражениях, которые ведутся на языке и часто в связи и по поводу языка³. Вспомним, хотя бы, недавние бурные дебаты в Думе и обществе о правомерности использования словосочетания «иностран- ный агент» в законе об НКО. Критики закона усматривали в слове «агент» негативный подтекст, а защитники трактовали это слово с позиций современных экономических отношений как лицо, которое выполняет поручения: агент по недвижимости, страховой агент. В политической коммуникации роль слова и власть языка в целом неоспоримы.

Важнейшим направлением лингвистического изучения политического дискурса, представленным целым рядом отечественных и зарубежных исследований⁴, является выявление и анализ того, как осуществляется эта власть, а именно, каковы речевые методы воздействия на участников политической коммуникации и способы манипулирования их политическим сознанием. Однако само понятие политического дискурса в лингвистической литературе получает не-

* Андрюхина Татьяна Владимировна, доцент кафедры английского языка №4 МГИМО (У) МИД России

однозначные трактовки. Например, к нему относят или «любые речевые образования, субъект, адресат, или содержание которых относится к сфере политики»⁵, или только институциональные формы общения в области политики, а именно, «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом...»⁶. Обобщая разные точки зрения, можно сделать вывод, что политический дискурс – это комплексное коммуникативное событие в сфере идеологии, позволяющее его участникам формулировать и выражать абстрактные идеологические убеждения и обозначающее письменный или речевой завершённый или продолжающийся “продукт” коммуникативной деятельности, который интерпретируется реципиентами⁷.

Несмотря на различие подходов, связанное со сложностью и многомерностью политического дискурса, следует признать, что его суть определяется на пересечении разных выделяемых большинством ученых системообразующих факторов:

- в основе порождения и восприятия политического дискурса – ситуационная стратегическая концептуальная модель политического дискурса, представляющая когнитивный коррелят политической коммуникативной ситуации⁸ и включающая знания о событиях, их участниках, обстоятельствах, времени, месте и других условиях их протекания, их фоне, знание картины мира;

- для ментального пространства политического дискурса характерен определенный набор ментальных структур – единиц хранения знаний о политической реальности. К последним можно отнести концепты «Власть», «Народ», «Семья», «Политик» и др.;

- интенции политика определяют прагматическую направленность политического дискурса и объясняют превалирование в нем определенных речевых актов: здравниц, лозунгов, требований, обещаний, клятв, призывов, само произнесение которых является политическим действием;

- политический дискурс отражает широкий коммуникативный и социальный контекст его производства и восприятия, групповые и индивидуальные варианты его восприятия, прагматические, пресуппозиционные (прецедентные тексты), стилистические (эмоциональность и оценочность), функциональные (ориентированность на интеграцию, ориентацию и агональность)

аспекты дискурса как политической картины мира;

- политический дискурс имеет аксиологический характер. Он определяется «приматом ценностей над фактами, преобладанием воздействия и оценки над информированием, эмоционального над рациональным»⁹. В основе ценностного подхода лежит концептуальная дихотомия «СВОЙ - ЧУЖОЙ».

Следует признать, что каждый из отмеченных факторов может служить источником манипулятивного воздействия на аудиторию.

Способность политического дискурса служить, с одной стороны, вербальной интерпретацией определённой ментальности, а с другой, сферой конструирования политической реальности, присущей определённой политической и социальной группе людей, существует благодаря когнитивной природе дискурса как такового и многоуровневой когнитивной модели реализации политического дискурса, которые обуславливают его манипулятивные возможности. Последние реализуются за счет специфического использования языковых средств на разных уровнях функционирования языка. Поэтому знание лингво-когнитивных особенностей политического дискурса необходимо как его создателям для повышения эффективности дискурсивной политической деятельности, так и адресатам этой деятельности для корректного декодирования и интерпретации политических замыслов и целей политиков.

Одним из когнитивных механизмов, значимых для достижения целей манипуляции, является моделирование смыслового содержания языковых единиц благодаря использованию фрейма – пакета знаний, дающего описание типовых объектов и событий. Большинство фреймов усваивается в детстве, в результате прямого опыта или сопереживания, из книг, кино, компьютерных игр и т.п. Фреймовые построения позволяют моделировать понимание целых текстов или их больших фрагментов, активируя прототипическую абстрактную схему – скелет для описания произвольной единичной ситуации или случая¹⁰. Понимание текста на основе фрейма представляется как поэтапная активизация определенной контурной схемы, в которой многие позиции или «слоты» еще не заняты. Восприятие и анализ последующих эпизодов текста позволяет заполнить эти пробелы, ввести новые сцены, комбинируемые в различные связи – исторические, причинно-следственные, логиче-

ские и т.п. По мере продвижения по тексту, интерпретатор постепенно создает его внутренний мир, все больше конкретизируемый в зависимости от подтверждаемых или отвергаемых ожиданий¹¹.

Яркой иллюстрацией действенного манипулятивного потенциала фреймовых построений является известный пример использования аллюзии на культовый голливудский фильм *Star Wars* в обсуждении предложенной президентом Рейганом в 1983 году «Стратегической оборонной инициативы - СОИ» (The Strategic Defense Initiative - SDI). Описание нового предложения Рейгана было введено в политический дискурс в рамках концептуального фрейма “*Star Wars*” об отражении в космосе иноземной агрессии. Основной целью СОИ являлось создание научно-технического задела для разработки широкомасштабной системы противоракетной обороны с элементами космического базирования, исключающей поражение американских целей из космоса. Содержание программы было настолько невероятным, что средства массовой информации окрестили её программой «Звёздных войн». За основу описания и анализа предложения президента Рейгана был принят усвоенный частью американцев еще в детстве ментальный фрейм, концептуализирующий схему событий в сюжете фильма «Звездные войны». Благодаря множеству событийных и предметных аналогий в характере войны между фильмом и «Стратегической оборонной инициативой» неясности и белые пятна в представлении о том, что такое SDI, заполняются не реальными фактами, а догадками – включениями из сюжета фантастического фильма *Star Wars*. Так, представление о военной политике США, связанной с размещением ядерного оружия в космосе, и отношение к ней формируются не на основе фактуальной информации, носящей объективно негативный характер, а на основе переименования политической инициативы по названию художественного фильма, ее фреймовой репрезентации и манипулятивной подмены знака оценочности. Благодаря созданному фильмом положительному образу (приключенческий, патриотически окрашенный боевик об отражении инопланетной военной агрессии) закладывается и положительная пресуппозиция в восприятии новой военной программы. В результате в умах многих граждан сформировалось отношение поддержки новой военной программы президента Рейгана.

Аксиологичность как системообразующая характеристика политического дискурса и динамический характер ее моделирования также могут обладать значительным воздействующим потенциалом. Интересно отметить, что обращение к той же теории концептуального фрейма или рамки позволяет объяснить динамику формирования и изменения оценочности в дискурсе. По словам Ч. Филлмора отдельные фреймы, «картинки» из жизни, обладая общими элементами, способны многократно ассоциироваться друг с другом, каждый раз активируя какую-то новую деталь в той рамке. Внимание участников дискурса фокусируется на новом элементе фрейма. Таким образом, концептуальная доминанта фрейма меняется. Это объясняет, как через тридцать лет в той же ментальной схеме “*Star Wars*” в следующем политическом тексте реализуется оценочность противоположного отрицательного знака. Второй ассоциативный фрейм, действующий в этом тексте и активизирующий негативно-оценочный элемент фрейма “*Star Wars*”, – это фрейм «Политик». Образ самого президента Рейгана, имевшего голливудское прошлое и репутацию человека, добившегося политического успеха благодаря использованию своего актерского и ораторского мастерства – Ronald Reagan “the great communicator”, активизирует во фрейме «Политик» (и ассоциативно во фрейме “*Star Wars*”) негативную оценочность под влиянием компонента “an actor” (a person who behaves in a way that is not genuine or real):

The technology proposed by President Reagan was “decades *away from reality*,” according to The Times. “White House officials said the new program might involve lasers, microwave devices, particle beams and projectile beams. These devices, most of which are *in a very early stage of development, in theory could* be directed from satellites...”

Critics called the proposal *unfeasible, and questioned* whether the United States would ever have the technology to develop the S.D.I. They called it “*Star Wars*,” first because it sounded like *something out of a science fiction movie*, and second because the announcement came just weeks after President Reagan’s “*Evil Empire*” speech. [...] the S.D.I. reflected the actor in Mr. Reagan. “A perfect antiballistic missile defense *was beyond the reach of technology*. In that sense the Strategic Defense Initiative was *Reagan’s greatest triumph as an actor-storyteller*.”

(The New York Times, April 9, 2013).

Ассоциативное сочетание данных фреймов в приведенном тексте позволило профилировать новые элементы фрейма *“Star Wars”* (*away from reality, in a very early stage of development, in theory could, unfeasible, and questioned, something out of a science fiction movie*) и «Политик» (*Evil Empire, Reagan’s greatest triumph as an actor-storyteller*) и выразить неоспоримую негативную оценку американской военной инициативы. При этом налицо попытка развернуть отношение американской общественности (или ее части) в противоположную сторону.

Использование в рассмотренном примере образа президента для целей манипуляции не случайно и не единично. Оно отражает отмечаемую рядом исследователей центральность концепта «Политик» для политического дискурса. Важно отметить, что этот концепт представлен не как целостная нерасчлененная ментальная единица, а структурирован как фрейм. В качестве конститутивных элементов фрейма «Политик» называются слоты «Пол», «Возраст», «Регион», «Тип политической деятельности», «Политическая ориентация», «Принадлежность к политическому институту», «Политические функции», «Качества (деловые, моральные, психические)»¹², а также «Семья», «Политические взгляды», «Политическое окружение», «Политический имидж» и др.¹³ Представляется обоснованным мнение о важности для полноты фрейма «Политик» еще одного элемента, а именно слота «Время»¹⁴. Так, автор рассмотренного выше текста дает оценку политической инициативы президента Рейгана много лет спустя. А значит, судит о степени успешности политики Рейгана во временной перспективе, опираясь на факт отказа от продолжения работ по созданию СОИ и некоторую современную переоценку президентства Рейгана, что приводит к профилированию в структуре фрейма «Политик» слота «Время». Как видим, этот фрейм способен не только фиксировать основные личные данные о политике, на что указывают перечисленные выше элементы фрейма, но и может моделировать образ политика в его динамике благодаря слоту «Время». При конструировании фрейма «Политик» предлагается учитывать как временной фактор — становление политика, развитие его политической карьеры, — так и все, что окружает политика и обуславливает его действия. Такой подход соотносится и с представлением о ситуационной стратегической концептуальной модели политического дискурса в целом, являющейся-

ся когнитивным коррелятом политической коммуникативной ситуации и отражающей ее временной и ситуативный параметры. Судя по рассмотренному выше примеру к числу факторов, обуславливающих проводимую политику и поэтому находящих отражение во фрейме «Политик» и значимых особенно во временной перспективе, можно также отнести и слот «Профессия». Как известно, актерская профессия и индустрия кино в целом связаны в представлении людей не с реальной жизнью, а с вымышленными историями. Вспомним, хотя бы, что Голливуд называют «Фабрикой Грёз» (*“Dream Factory”*). Присутствие временного и профессионального аспектов в структуре фрейма «Политик» и фокусировка на них подтверждаются описываемыми выше примерами, в которых видно, как дискурс в своей временной перспективе может исподволь формировать у участников коммуникации противоположные оценки, фокусируясь на разных элементах фрейма «Политик». Так, профилирование элементов «Время» и «Профессия» в концепте «Политик» в политическом тексте, анализирующем политику президента Рейгана, порождает оценку его военной программы как неконструктивной и нереальной.

Следует отметить, что в силу национальной обусловленности концептуальной картины мира в разных странах механизм воздействия, основанный на разной «компонентке» концепта в той или иной культуре, может иметь свои специфические особенности. Например, считается, что концепт «Семья» занимает центральное место в политическом дискурсе США. Этот концепт привлекается сознанием к построению концептуальной метафоры НАЦИЯ – ЭТО СЕМЬЯ для концептуализации в сфере политической морали и политики в США. Размышляя над концептуализацией сферы морали, в частности, рассматривая, какие концептуальные метафоры для этого используются, Дж. Лакофф пришел к выводу, что республиканцы и демократы имеют разные системы морали и что политический дискурс тех и других отражает эти разные представления.¹⁵ В политическом дискурсе республиканцев и демократов реализуется разное представление об идеальной семье. При этом весь американский политический дискурс и аргументация в нем, по мнению Дж. Лакоффа, зиждутся на концептуальной метафоре НАЦИЯ – ЭТО СЕМЬЯ. Наряду с ядерными признаками концепта «Семья», присущими ментальной области обоих дис-

курсов: 1. нация – это семья, 2. государство – это родители, 3. граждане – это дети, в республиканском представлении семьи доминантным становится признак «строгий отец» (*strict father*), а у демократов – «заботливые родители» (*nurturant parent*). Выделение признака «строгий отец» в консервативном мировоззрении приводит к созданию когнитивной модели консервативного политического дискурса. Последняя включает представление о строгой государственной власти, самодисциплине и ответственности граждан, о необходимости опоры на собственные силы, проведении политики «неодобрения» тех, кто надеется на государственную поддержку, а также во внешних государственных отношениях защиту граждан от внешнего зла.

Указанные компоненты концепта «Семья» с разными профилирующими признаками проявляются в политическом дискурсе, например, в отборе лексики. Сравните частотную ключевую лексику, профилирующую концептуальный признак "*strict father*": character, virtue, discipline, tough it out, tough love, get tough, strong, self-reliance, individual responsibility, backbone, standards, authority, heritage, punishment, property rights, common sense, elite, lifestyle, pro-life и т.д. Ведущий признак "*nurturant parent*" концепта семья в политическом мировоззрении демократов формирует основные категории либеральной морали, модель либеральной политики и либерального дискурса. Он проявляется в эмпатическом отношении власти к гражданам, идее справедливости, помощи нуждающимся, заботе о слабых, самореализации с целью быть сильным и помочь слабым. Ключевыми словами-репрезентантами концептуальной метафоры НАЦИЯ – ЭТО СЕМЬЯ в либеральном политическом дискурсе, профилирующими концептуальный признак "*nurturant parent*", являются: social forces, social responsibility, free expression, human rights, equal rights, concern, care, help, health, safety, nutrition, basic human dignity, ecological, pollution, oppression, pro-choice и т.п.¹⁶

Важно отметить, что и мотивация принятия политических решений той или иной администрацией становится понятной интерпретатору американского политического дискурса только в опоре на принципы соответствующей моральной системы, отраженные в структуре концепта «Семья» и при выделении в нем в качестве доминантного компонента "*strict father*" республиканцами и "*nurturant parent*" демократами. Так, уже

упомянутые обращения к нации президента Р. Рейгана «Star Wars» и «Evil Empire», а также обращение президента Дж. Буша-младшего по следам событий 11 сентября 2001 года "Axis of Evil" ставили США в позицию сильного и строгого «отца», требующего наказания для лиц (стран), представляющих угрозу его «семье» (стране). Таким образом, соотнесение себя «потребителями» политического дискурса с той или иной ментальной моделью семьи обеспечивает с точки зрения манипулятивных возможностей дискурса восприятие успешности или неуспешности политика и одобрения или неодобрения его курса. Одновременно, знание составляющих этих когнитивных структур и умение их декодировать обеспечивает понимание скрытых целей американских политиков и американского политического дискурса в целом особенно в рамках международного политического контекста.

Изучение концептуальной системы, отраженной в языке того или иного народа позволяет сделать вывод, что концепты эти не случайны, обусловлены жизненным опытом народа, отражают его ценностные представления. Так, изучение концептов, получающих отражение в политическом дискурсе, в частности в президентских обращениях как его институциональной разновидности, указывает на повторяемость метафорических концептов и их системность, состоящую в постоянстве ассоциации между некоторыми двумя ментальными областями, например, ПОЛИТИКА – ЭТО ВОЙНА, ПОЛИТИКА – ЭТО СТРОИТЕЛЬСТВО и уже упоминавшаяся метафора НАЦИЯ – ЭТО СЕМЬЯ. Это явление постоянства и поэтому ожидаемости использования определенных метафорических концептов и соответствующих им метафорических выражений получило название метафорической когерентности или системности использования метафорических концептов (metaphoric coherence).¹⁷

Когнитивно-дискурсивное явление когерентности имеет два интересных следствия. Дело в том, что регулярное сопоставление разных элементов двух исходных ментальных областей приводит к постоянному выдвиганию, профилированию одних элементов этих ментальных областей, но и также к одновременному постоянному сокрытию других. Так, концептуальная метафора ПОЛИТИКА – ЭТО СТРОИТЕЛЬСТВО, являющаяся традиционной в американском президентском дискурсе (например, метафора о воздвижении «сияющего города на холме» в речи Рейгана или строи-

тельство «моста в 21-ый век» в речи Клинтона) использовалась и в речах президента Обамы для концептуализации основных направлений его экономической политики в период кризиса. При этом устойчивые аналогии между проведением определенной политики, достижением политических целей и процессом строительства (продвижением проекта, возведением здания от нулевого цикла до этапа завершения, соблюдения технологических норм для обеспечения устойчивости конструкции) создают в ментальном пространстве политического дискурса целую метафорическую сеть. Последняя гарантированно закрепляет в сознании адресата положительные ассоциации, общие для культур большинства стран цивилизованного мира: «прогресс, развитие – хорошо», «вверх – хорошо». Между тем, в тени остаются другие элементы метафоры, а именно возможность наличия сыпучих неустойчивых грунтов на месте строительства, возможные ошибки проектирования или нарушение технологии строительства, что в целом может привести к обрушению сооружения, то есть провалу выбранного политического курса. Обратим внимание на то, что в следующем отрывке из речи президента Обамы этот последний составляющий элемент концептуальной метафоры упомянут в отношении неудачной политики предыдущего президента Дж. Буша-младшего (*on the same pile of sand*). Все концептуальные элементы, связанные с «устойчивостью постройки» и успехом «строительства» относятся к новой программе действий Обамы, изложенной в его президентском обращении и окрещенной журналистами *The New Foundation Address*. Об этом позволяет судить следующий отрывок из этой речи:

We cannot rebuild this economy *on the same pile of sand*. We must *build our house upon a rock*. We must *lay a new foundation* for growth and prosperity - *a foundation* that will move us from an era of borrow and spend to one where we save and invest; where we consume less at home and send more exports abroad.

It's *a foundation built upon five pillars* that will grow our economy and make this new century another American century...

(*President Obama's New Foundation Address at Georgetown University. 14 April, 2009*).

Манипулятивный эффект в этом тексте можно назвать кумулятивным, так как он складывается из использования когнитивного потенциала концептуальной метафоры, свойства метафорической когерентности политического дискурса, имплицирования

текстом политических идеологов о мессинской роли США, их богоизбранности, использования библейской аллюзии и, наконец, объединяющего значения многократно использованного местоимения *we*. Однако не зря американские опросы общественного мнения в период кризиса фиксировали недоверие к отдельным «опорам», базовым элементам программы президента Обамы, например, возможности успешного реформирования системы медицинского страхования, что косвенно следовало и из использованной им метафоры. Недаром накануне избрания Обамы на второй президентский срок ему рекомендовали придумать более действенную, убедительную метафору для своего политического дискурса,¹⁸ способную обеспечить ему более широкую поддержку и доверие разных слоев населения.

Как показывают примеры, политический дискурс антропоцентричен. Человеческое сознание наделено функцией ценностной категоризации, что объясняет постоянное стремление человека к самоидентификации, отнесению себя к той или иной группе лиц (например, политической), что проявляется в еще одном системообразующем свойстве политического дискурса, а именно, присутствии в нем архетипической концептуальной оппозиции «СВОЙ – ЧУЖОЙ». В актах политической коммуникации определяющую роль играет аналитический компонент, выражение мнения или оценки, и наблюдается зависимость выбора языковых средств для выражения оценочного суждения от того, какая категория лиц – «свои» или «чужие» – является объектом оценки. Именно языковая реализация оппозиции «СВОЙ – ЧУЖОЙ» во многом обуславливает возможность воздействия политического дискурса и его силу. Универсальной базовой оценочной моделью является модель «свой значит хороший, чужой значит плохой». Человеку присуще воспринимать «свое» как естественное, правильное и, наоборот, «чужое» как неестественное, неправильное. Примером положительной оценки «своего» и отрицательной «чужого» служат многочисленные языковые репрезентации дихотомии «СВОЙ – ЧУЖОЙ» в англоязычном политическом дискурсе, в котором Россия может маркироваться как «чужой», следовательно, плохой, а западные страны как «свой», следовательно, хороший. Например, в следующем примере оценочность, выражаемая репрезентантами концептуальной оппозиции «СВОЙ – ЧУЖОЙ» (*we, at home/that country*), получает дополнительное уси-

ление за счет ряда лексических, грамматических и стилистических языковых средств:

It is these institutions of independent media, justice and democracy - institutions *we* [«свой»] take for granted *at home* [«свой»] - that the international community must nurture in *that country* [«чужой»] if *we* [«свой»] are to contain the newly-confident and energetic Russian Bear [«чужой»].

(*The Guardian*, 2.09.07). (Цитируется по¹⁹).

И наоборот, та же оппозиция в политическом дискурсе меняет знак оценки на противоположный при взгляде на нее с другой стороны. В следующем примере цитируется достаточно радикальная личная позиция российского журналиста, в которой он осуждает политику Запада через кардинальное противопоставление российской и западной ментальности:

"Russia and the West are at war...There is a growing feeling that most *Western people* belong to *a different humanoid group* from us; that we are only superficially similar, but fundamentally *different*."

(*The Economist*, February 16, 2013).

Представляется возможным считать, что в политическом дискурсе, касающемся международных аспектов политики, слова Запад/ the West/ Western и Россия/ Russia/ Russian также являются репрезентантами оценочной дихотомии. Как видно из примеров, концептуальная оппозиция «СВОЙ – ЧУЖОЙ» обладает неоднозначным оценочным потенциалом и может быть как бы «примерена» к различным прагматическим ситуациям, прагматическим целям адресата. Таким образом, на основе универсаль-

ной концептуальной дихотомии «СВОЙ – ЧУЖОЙ» и в целом применения методики концептуального анализа на уровне текста можно успешно моделировать аксиологический характер политического дискурса в его конкретном устном или текстовом воплощении.

В рамках данной статьи затронуты лишь некоторые средства оказания манипулятивного воздействия в политической коммуникации. Изучение воздействия возможно не только в когнитивно-дискурсивной парадигме, но и в рамках более широкого подхода, получившего название политической филологии²⁰ или политической лингвистики²¹. Несомненно, заинтересованное исследование политического языка может иметь не только теоретический интерес, но и совершенно определенную практическую значимость в сфере общественной и политической жизни. Например, важнейшим прикладным аспектом изучения политического дискурса становится выявление межкультурных различий в политической и ценностной картинах мира разных стран и культур, что приобретает особую значимость в современном полицентрическом мире. Анализ политического дискурса очередной раз доказывает, что недостаточно знать, какие политические убеждения имеет политик. Важно научиться понимать, как при помощи языка его явные и скрытые идеи и интенции транслируются и внушаются обществу. Авторитет, сила и влияние в политической коммуникации принадлежат тем, кому принадлежит власть над словом.

LANGUAGE OF POWER AND POWER OF LANGUAGE: POLITICAL DISCOURSE

The article explores the ability of political discourse to exercise influence. It identifies some systemic features of American political discourse that can be a source of its persuasive effect. The article examines the potency of such cognitive and discursive means of political manipulation as the "self-other" axiological cognitive matrix, the mechanism of conceptual

frames, metaphors, and specific concepts representing the conceptual sphere of politics.

Tatyana Andryukhina,
Candidate of Science (Linguistics),
Associate Professor, Department of English №
4, MGIMO (University) under the Ministry for
Foreign Affairs of Russia.

Ключевые слова:

политический дискурс, когнитивно-дискурсивные методы воздействия, концептуальная метафора, концептуальный фрейм, аксиологическая оппозиция «свой - чужой», концепт, концептосфера политики

Keywords:

political discourse, cognitive and discursive methods of influence, conceptual metaphor, conceptual frame, "self-other" axiological cognitive matrix, concept, conceptual sphere of politics.

Литература:

- ¹ Seriot P. Analyse du discours politique sovietique. Paris, 1985. 362 p.
- ² Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01, 10.02.19 : Волгоград, 2000. 431 с.
- ³ Fairclough N. Language and Power. London, 1989. 259 p.
- ⁴ См.: Михалёва О.Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М., 2009. 256 с.; Никитина К.В. Технологии речевой манипуляции в политическом дискурсе СМИ (на материале газет США): автореф. дис. ... канд. наук. Уфа, 2006. 22 с.; Chilton P., Ilyin M. Metaphor in political discourse: the case of the «common European house» // Discourse and Society. London, 1993. Vol. 4. № 1. P. 7–31; Lakoff G. Don't Think of an Elephant! Know Your Values and Frame the Debate. Chelsea Green Publishing, 2004. 144 p.
- ⁵ Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01, 10.02.19. Волгоград, 2000. С. 23.
- ⁶ Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М., 1991. С. 42.
- ⁷ Дейк Т.А. ван К определению дискурса // <http://psyberlink.flogiston.ru>.
- ⁸ Дейк Т. А. ван Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. 312 с.
- ⁹ Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01, 10.02.19. Волгоград, 2000. С. 137.
- ¹⁰ Демьянков В.З. Фреймовая семантика // Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. / Под общ. редакцией Е.С. Кубряковой. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. С. 189-191 // <http://www.infolex.ru/Cs21.html/>
- ¹¹ Fillmore Ch. J. An Alternative to Checklist Theories of Meaning // Proceedings of the First Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley, 1975. P. 125.
- ¹² Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01, 10.02.19. Волгоград, 2000. С. 113.
- ¹³ Зайчикова Н. В. Стереотипные и индивидуальные составляющие концепта «Politician» в гибридном жанре политического и художественного видов дискурса (на материале современного американского политического романа) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Владивосток, 2005. 215 с.
- ¹⁴ Беляевская Е.Г. Фрейм «Политик» в англоязычном биографическом дискурсе (к методике анализа)// Политическая лингвистика 2 (40) 2012. С. 21-26 // <http://journals.uspu.ru>.
- ¹⁵ Lakoff, G. Moral Politics: How Liberals and Conservatives Think. Chicago / London : Chicago University Press, 1996, 2002. 486 p.
- ¹⁶ Андрюхина Т.В. Концепт семья в политическом дискурсе // Лингвострановедение: методы анализа, техника обучения : второй межвузовский семинар по лингвострановедению. 10-11 июня 2004 г., МГИМО(У). Сб. статей в 2-х частях. МГИМО (У), 2005. С. 95-102.
- ¹⁷ Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press. 1980. P. 7.
- ¹⁸ Shiller R. A Metaphor for Obama's Second Term // Project syndicate. 8 May, 2013 // <http://www.social-europe.eu/2013/01/a-metaphor-for-obamas-second-term/>
- ¹⁹ Алиева Т.В. Языковые средства реализации концептуальной оппозиции «свой - чужой» в британском политическом дискурсе. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2013. 27 с.
- ²⁰ Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. М., 2002. № 3. С.32-43.
- ²¹ Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учебное пособие. М., 2012. 256 с.